

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
P71

Caroline Ronnefeldt
QUENDEL

Печатается с разрешения *Ueberreuter Verlag GmbH*
и при содействии литературного агентства "Медиана".

*Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.*

Художественное оформление *Василия Половцева*
Иллюстрация на переплете *Екатерины Кравченко (Catherine Moirah)*
Дизайн макета *Виктории Давлетбаевой*
Элементы дизайна на суперобложке и в блоке *Agniy ART*

Роннефельдт, Каролина.

P71 Квендель. Книга 1. Сумрачный лес : [фантастический роман] / Каролина Роннефельдт; перевод с немецкого В.С. Гордиенко. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Квендель. Эпическая фэнтези).

ISBN 978-5-17-161444-7

Квендели — мирный маленький народ, проживающий в Холмогорье от начала времен. Они любят вкусную еду и тщательно ухаживают за своими садами. Выйти гулять ночью или отправиться на поиски приключений — крайне возмутительный поступок для любого квенделя, а мрачные легенды предков теперь не более чем предмет шуток на ежегодном Празднике Масок.

Бульрих Шаттенбарт, картограф-самоучка, исходил Холмогорье вдоль и поперек. И только Сумрачный лес, куда не зайдет ни один порядочный квендель, остался белым пятном на картах. В поисках славы и признания Бульрих решает отправиться в это гиблое место, не зная, что его ждет весьма пугающее открытие...

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-161444-7

- © Ueberreuter Verlag GmbH, Berlin, 2018
- © Вера Гордиенко, перевод на русский язык, 2024
- © Вера Соломахина, стихотворения, перевод на русский язык, 2024
- © Agniy ART, рамка на суперобложке и в блоке, 2024
- © Екатерина Кравченко (Catherine Moirah), иллюстрация на переплете, 2024
- © ООО «Издательство АСТ», 2024

Моей маме и Айрис,
первым читателям.

Представьте, кем бы вы были сегодня, если бы в детстве вас не кормили рассказами и сказками, а пичкали географией и природоведением?

Чарльз Лэмб — Сэмюэлу Кольриджу

В лесах и в болотистых пустошах, в темных уголках и в подземных норах на зеленом мху живут лесные человечки, сами все окутанные мхом. Это настолько известный образ, что мастера-ремесленники вырезают статуэтки моховиков и предлагают на продажу. Лесных моховиков неотступно преследует Дикий Охотник, который то и дело бродит по окрестностям, и нередко можно услышать, как жители говорят друг другу: «Ну вот, Дикий Охотник снова взял след, вчера ночью стоял жуткий треск и скрип».

Братья Гримм

В горных долинах, куда редко проникало много света, тени вдруг стали гуще, как будто солнце совсем перестало согревать эти места, и даже луна сочла напрасным тратить серебристый блеск на то, чтобы освещать такую мрачную пустошь. Впрочем, тени уже давно перестали довольствоваться тем, чтобы оставаться просто тенями.

Здесь появилось что-то иное, непознаваемое, давно забытое и еще не осязаемое, но занимающее все больше места, будто жар невидимого костра. В угасающем свете крутые скалы сближались, а долины исчезали во тьме, в которой не было ничего и в то же время было что-то.

ГЛАВА
ПЕРВАЯ

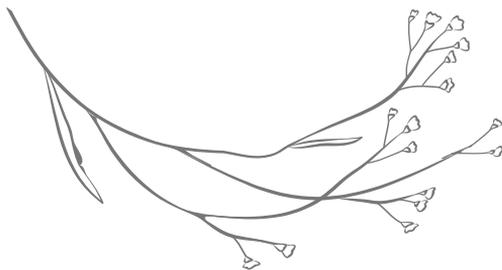

**КАРТОГРАФ
ИЗ ЗЕЛЕНОГО
ЛОГА**

*Ступай дорогой правой,
Крадись, напряги слух.
Беги ведомым жатвой,
Чтоб вышел смелым дух!¹*

Йозеф фон Эйхендорф

---

¹ Перевод А. Бабаева.

С тояли последние дни лета. Свет стал золотистым, а тени немного длиннее. Теплый ветер уносил паучков на блестящих нитях паутинок.

В маленькой зеленой гостинной у открытого окна сидел Бульрих Шаттенбарт. В косых лучах солнца плясали мелкие пылинки, а с опушки леса по соседству доносился крик кукушки.

В то утро Бульрих встал позже обычного и теперь коротал время за обильным завтраком. Пока над пузатой чашкой с чаем поднимался ароматный пар, Бульрих просматривал ворох топографических карт, которые нарисовал сам, без чьей-либо помощи, стараясь не оставлять на хрупких листах жирные пятна. С наслаждением впившись зубами в третью булочку с медом, он удовлетворенно подумал, что уже нанес на карту почти все окрестности. По крайней мере, все к северу от Зеленого Лога, его родной деревни, до самых берегов Холодной реки, а на юго-западе — до Болиголовья и Звездчатки, деревень у пограничных земель Эндлунда, а на востоке — через речушку Сверлянку и городок Баумельбург до изгибающегося дугой водного потока.

Запивая булочку чаем, квендель рассматривал карту, лежавшую на самом верху стопки. Бульрих всегда очень тщательно вырисовывал все подробности. Сначала, во время прогулок, делал наброски на бересте, а вечерами скрупулезно копировал их при свете лампы. Близоруко щурясь, он всматривался в загогулины, разбирал пометки и рисовал, напряженно прикусив кончик языка. Перед ним на карте раскинулось Холмогорье, родина квенделей с начала времен. Ну, или

с тех пор, как квендели начали рассказывать истории, а это, судя по всему, случилось очень давно, потому что в Зеленом Логе издавна приговаривают: «Квендели болтают без умолку с того часа, как поселились среди корней», — хоть никто уже и не помнит, что это значит.

Бульрих отставил чашку с чаем, не отрывая взгляда от драгоценной карты. Черными чернилами он очертил полукруг, указывая русло реки, огибавшей Холмогорье. Картограф с удовольствием проследил взглядом за линией, которая непрерывно тянулась от Болиголовья до задворок Запругтя. Рисую реку, он ни разу не оторвал перо от бумаги.

— Здесь я все знаю, сам исходил, шаг за шагом, — пробормотал Бульрих, хваля себя за приложенные усилия.

Как спокойно лежит страна холмов в излучине могучей Холодной реки! Внезапно квендель нахмурился. А что там, за бурным потоком?

Бульрих не раз откладывал исследование другого берега. Там, на северо-западе, страну оберегали Восемь Воронов — высокие холмы, у подножия которых, на одинокой скале над рекой, темнели мрачные руины Вороньей твердыни. От этого места квендели предпочитали держаться подальше. Никому и в голову не приходило поселиться у развалин, хоть земли там и плодородные, а луга вдоль берега зеленеют на солнце и сверкают бесчисленными звездочками ромашек. Однако стоило немного отойти от реки, и земля вспучивалась, а из травы поднимались обветренные валуны, как будто из глубин лезло каменное чудовище, пробивая луга гранитными лапами. На вершинах открытых всем ветрам холмов среди стеблей желтой, сухой травы возвышались, словно заколдованные крепости, огромные камни. Точь-в-точь как причудливые короны, они венчали каждого из Восьми Воронов, и ветер свистел и пел в трещинах, проникая в закоулки зубчатых нагромождений.

На самом западном холме среди камней стояла серая башня, высокая и стройная, — одинокая свеча на фоне алого вечернего неба. Если квенделей что и влекло к Восьми Воронам, то лишь стремление увидеть легендарные закаты за серой

башней. Внутри она давно была полая, как старый гриб-дождевик; лестницы и залы исчезли. Никто в Холмогорье не знал, кто ее воздвиг. Ни одному квенделю не удалось бы взгромоздить друг на друга такие огромные гранитные плиты. Поговаривали, что башню построил другой народ, более высокого роста, что их мастера возвели и Воронью твердыню, от которой остались лишь руины, и мост через Холодную реку. Мост был на редкость необычным сооружением — высокая узкая арка с каменным парапетом по обе стороны ровным изгибом поднималась над стремительно бегущими водами. Кое-где на обтесанных камнях остались неровные выемки, в которых проросли мох и лишайники, так что в некоторых местах стены словно были покрыты непонятными зеленоватыми письменами.

Бульрих потянулся за пятой булочкой и опять поставил на огонь чайник. Он вспомнил, как рисовал русло бурлящей Холодной реки: провел полосу над Мельницей, но за этой линией на карте так почти ничего и не появилось. Восемь маленьких дуг обозначали Воронов, а прямоугольник — серую башню. Крючок, изгибающийся над рекой, указывал на каменный мост. За ним не слишком четко прорисованный крест отмечал местоположение руин Вороньей твердыни. Бульрих кивнул сам себе, сравнив окончательный вариант рисунка с эскизом, и с удовольствием взялся за чашку, которую налил уже из заново вскипевшего чайника в это безмятежное утро. Он смотрел на замысловатый росчерк пера под скоплением домиков с низкими покатыми крышами. Самым изысканным почерком, ярко-красными чернилами, которыми он всегда выводил названия, там было написано: «Квенделин».

Квенделин, единственное поселение квенделей на северном берегу Холодной реки, издавна принадлежало роду Рыжих Райцкеров. Местоположение деревни до сих пор осуждалось, а семьи, проживающие там, считались на редкость дерзкими. Когда они появлялись в Баумельбурге по случаю ежегодного карнавала, некоторые их странности и необычные черты характера бросались в глаза. Нынешний глава кла-

на Райцкероу, Бозо, немолодой квендель внушительного вида, жил в большом доме, возвышавшемся над террасными садами. Довольный собой и миром, Бозо никогда не упускал случая добродушно подшутить над трусишками, обитавшими за рекой.

Бульрих вспомнил последний день рождения, на который Бозо пригласил всех квенделей, украсив сады фонарями. Может, обитатели на том берегу и были странными, слишком молчаливыми и высокомерными, но веселиться они, несомненно, умели. Праздник в честь дня рождения Бозо длился четыре дня и три ночи и закончился весьма внезапно — только когда в вечерних сумерках сильный ливень погнал гостей вверх по склону на широкую крытую веранду. Оттуда они видели, как под дождем гаснут фонари, превращаясь в уныло висящие сорняки.

Бозо достал из своих почти неисчерпаемых запасов удовольствия пряный пунш и пироги с ореховой начинкой. Изумрудная, цвета мха, гостиная с окнами в сад была переполнена болтающими гостями.

Табачный дым смешивался с ароматом пунша и запахом горящих в камине поленьев и теплыми струйками поднимался к потемневшему потолку. Когда допили последний кувшин, жена Бозо, Валли Риттерлинг-Райцкер, одна из самых радушных хозяек среди квенделей, признанная мастерица устраивать праздники, предложила взять зонты и фонари и прогуляться напоследок к каменному мосту у Вороньей твердыни. Все гости, кроме самих квенделинцев, явились с другого берега, и перебраться обратно через реку теперь можно было только по мосту. Ясно, что переходить в темноте и сырости бурный поток по большим камням, разложенным на мелководье у Квенделина, — дело гиблое.

Скрестив сухие ноги под столом, Бульрих позволил себе невесело усмехнуться. Он всей душой не любил воду, особенно если она неслась бурным потоком. Задумавшись, он припомнил, как однажды весенним днем, когда кое-где еще лежал снег, но солнце уже ярко сияло, он развеселил собравших-

ся на пикнике у реки квенделинцев: после искусного пируэта на третьем камне, считая от побережья у Колокольчикового леса, он с размаху плюхнулся в ледяную воду. Все эскизы — их после напряженной работы тем утром накопилась целая стопка — были безнадежно испорчены, а его любимая старая фетровая шляпа уплыла навсегда. Но самым ужасным для Бульриха стало другое: веселый смех Гортензии и прочих дам ее кружка, которые — ну как же иначе? — именно в тот день приняли приглашение Валли и явились на пикник. Собрались все, даже Бэдда и ее невыносимая кузина Афра из Звездчатки с тремя подругами. Пришла и Хульда Халлимаш из Зеленого Лога, которая нравилась Бульриху и перед которой ему вовсе не хотелось предстать в таком неприглядном виде. Рядом сидели и сестры Кремплинг — Иза и Камилла из Баумельбурга, достопочтенная Валли и сама Гортензия, как раз набившая рот сладкой лепешкой. И все они залились радостным смехом, прерывая как всегда оживленную, но весьма однообразную беседу. К огорчению Бульриха, дамы бросились перебивать ему косточки, особенно усердствовали Гортензия и Бедда.

На широких коленях Бедды Шаттенбарт, в накрахмаленных складках мамино го фартука, уютно устроился Карлман, любимый племянник Бульриха, наблюдая за происходящим с дядей. Бульрих на мгновение с головой исчез в потоке, раздуваемом от тающего снега, и появился вновь, барахтаясь и шлепая руками по воде. Рядом с ним всплыл маленький сверток, крутнулся на месте и стремительно уплыл по течению. Карлман не сдержал веселого смеха и тут же погнался за переливчатой голубой бабочкой вместе с Эппелином Райцкером, младшим отпрыском Бозо и Валли, которые, как и другие квендели, вышли погреться под весенними лучами солнышка.

Бульрих отвернулся, чтобы не слышать звеневшего над рекой смеха, и, с шумом разгребая воду, побрел к берегу, мокрый до нитки, будто после майского дождя. К счастью, оставшиеся три камня-ступеньки он миновал без приключений и исчез в кустах на опушке леса, стремясь скрыться от насмешливых взглядов. Спустил двадцать шагов, которые,

как он надеялся, выглядели вполне достойным отступлением, Бульрих задрожал от холода.

Добравшись в сумерках до Зеленого Лога и петляя по за-коулкам, Бульрих подошел к своему дому с обратной сторо-ны, через сад, и вдруг обнаружил, что ключ от входной две-ри тоже потерян.

— Ох ты ж, гнилой трюфель! — вырвалось у Бульриха, и он громко чихнул.

Ладонь, которой он взялся за ручку двери, дернулась вниз. Судьба, похоже, решила сжалиться над ним: дверь ока-залась не заперта.

Теперь же, удобно устроившись в кресле за обеденным столом, Бульрих потянулся и достал жестянку с табаком и трубку. После сытной еды клонило в сон. Стоило выкурить трубочку — развлечься. Размеренно, не торопясь, он принялся набивать любимую трубку и задумчиво улыбнулся, пере-бирая в памяти события последних дней.

В списке потерь после того злосчастливого купания в холод-ной воде значились: стопка отличных топографических эски-зов, любимая шляпа, пачка розового табака марки «Приве-сок перистолистный» (совершенно испорченная) и моховая трубка, полная воды, — а единственным приобретением стала прегадкая простуда. Больше недели Бульрих лежал в постели, потев и сопя. Гортензия поила его отвратительным чаем, осы-пала упреками и замучила своей заботой. Вдобавок ко всему она запретила ему курить.

Зато всю эту крайне неприятную неделю его навещал племянник — милый малыш Карлман. Он тогда был еще совсем маленьким и сбежал от гостившей у Гортензии ма-тери, чтобы присматривать за больным дядей. Бульрих вос-хищался племянником. Малыш был умным, задумчивым и одиноким — в нем Бульрих с тоской узнавал себя в юные годы. Виделись они редко, ведь от Зеленого Лога до Звезд-чатки не ближний свет. При каждой встрече Карлман неиз-менно просил рассказать ему историю — ничего необычного для квенделя, даже типично для такого смышленного квенде-ленка.

Однако поскольку Бульрих был одинок и не завел семьи, их беседы у потрескивающего камина были ему очень дороги. Длинные истории Бульриха сильно отличались от коротких рассказиков Бедды или громких анекдотов у липы, куда Карлман иногда ходил с матерью. И когда Бульрих рассказывал о Холмогорье, малышу казалось, что даже деревья в светлом Колокольчиковом лесу намного старше, чем он думал, — сторбленные, покрытые лишайником, с бородами из мха.

— Бульрих, сколько лет лесу? — мог спросить он невнятно, держа за щекой карамельку из кленового сахара, сделанную Гортензией лично для дорогого соседа.

— Лес гораздо древнее, чем многие квендели могут себе представить, — отвечал Бульрих. — По нему в незапамятные времена разгуливали очень странные существа. Если бы деревья умели говорить, то каждое из них поведало бы историю куда интересней, чем самые прекрасные наши саги.

Теперь же уютные часы у камина, к сожалению, ушли в прошлое. Карлман достиг того возраста, когда квендели обретают самостоятельность и начинают испытывать себя на прочность: изучают окрестности, устраивают глупые засады на девчонок или ведут показательные бои со сверстниками из соседних деревень. Что поделать, у молодежи полно забот, им некогда навещать старых дядюшек.

Бульрих поднялся с трубкой в углу рта и сгреб разложенные карты, чтобы убрать их в большой дубовый сундук, стоявший у каминной скамьи. Тут же на стене висел в рамке особенно удачный рисунок, изображающий его родную деревню Зеленый Лог в окружении Колокольчикового и Сумрачного лесов. Бульрих задумчиво пососал трубку.

Перед висящей картой закружилась пряный, ароматный туман. Но вот облачко рассеялось, и Бульрих, прищурившись, принялся искать определенную точку. Там, на юго-восточной границе владений Краппа, начиналась живая изгородь, пересекавшая у сторожки речку Сверлянку. Огибая Зеленый Лог, она уходила к западной окраине Колокольчикового леса и, наконец, достигала Вороньей деревни, раскинувшейся между посевными полями.

Рукой Бульриха, крючковатыми красными буквами, на обширном участке, начинавшемся на холме у Зеленого Лога в нескольких сотнях шагов за живой изгородью, было написано «Сумрачный лес». Небольшие завитушки, похожие на облака, обозначали деревья. Бульрих снова уставился на надпись и дерева, окутывая себя все более плотной завесой дыма. Из густого табачного тумана Бульрих всегда выныривал внезапно, и в эту минуту ему в голову приходило нечто особенное.

За открытым окном шмель лениво прожужжал над кустами розмарина, порылся в желтой пыльце ромашки, затем, остановившись ненадолго на ярком лютике, перелетел на пышную, поражающую великолепием настурцию и, наконец, исчез в огненно-красном цветочном бутоне. Цветок неуверенно накренился под тяжестью гостя, и из его прохладного нутра слышалось приглушенное гудение. Розовый дым из трубки Бульриха выходил из гостиной сквозь открытое окно, смешивался с легким ветерком, который нес ароматы ежевики и дикого меда, и улетал через садовую ограду в сторону деревенской улицы.

— Восточный ветер, — заметил Бульрих, разгоняя табачный туман. С громким жужжанием шмель покинул яркий цветок и деловито направился к следующему. Квэндель высунул голову из окна и втянул ароматы позднего лета.

— Дым из норы, — пробормотал он себе под нос. — Елки-поганки! Потом разберемся!

С этими словами он оставил на столе посуду с остатками завтрака, сунул в карманы штанов несколько свертков бересты и кусок угля и вышел из дома, полный сил.

В день, когда планируется нечто необычное и значительное, лучше отложить ответы на загадочные вопросы до той минуты, когда все уже сделано и можно сидеть в кресле, дерзко подмигивая, в окружении ожидающих слушателей.

Был уже почти полдень, и квэндель не сомневался, что встретит на улице знакомых. Скрывать что бы то ни было он совсем не умел, поэтому решил выйти с другой стороны